

его — об его бое с новгородцами. Следует подчеркнуть, что в изданном сборнике были революционное, протестующее начало русского народа, нашедшее свое яркое отражение и в традиционном героическом эпосе, оказывается приглушенным.

Если обратиться к объяснительной статье о былинах Перемиловского (стр. 247—262), то она свидетельствует, что автор знает труды новейших советских ученых по изучению былин, например, «Курс русского фольклора» Б. М. Соколова 1929—30 г., знакомился с новейшими изданиями былин, например, с II томом «Былин» Крюковой, но отсюда он черпает только то, что он сам считает ценным, игнорируя остальное. Так, во всей статье былины рассматриваются как остатки старины XI—XII вв. — и только. Статья не касается исторических песен, «нижних эпических» песен, былин, сложенных на Севере (например, былины о Рахте Рагнозерском, текст которой, однако, приведен) и, наконец, новейших былин (новин), сложенных в советское время. Раскрытия жизни исторического эпоса на разных этапах его существования в статье нет.

Резкое возражение вызывает утверждение автора статьи, что интерес к фольклору, а также собирание и начало изучения былин обусловлены влиянием немецкой романтической школы в 30-х годах XIX в. В фольклористической науке за последние десятилетия это обветшавшее положение было разбито во многих работах (М. К. Азодовского и других советских фольклористов). Установлено, что интерес к народному творчеству был обусловлен всем ходом исторического развития России в XVIII в. и особенно усилился в связи со сделанными в начале XIX в. научными открытиями и изданиями (Слово о полку Игореве — 1800 г., сборник былин Кириши Данилова — 1804 г.), причем интерес этот питался и рос в условиях патриотического подъема в связи с войнами с Наполеоном, особенно с Отечественной войной 1812 г. Показателем этого интереса в литературе является сочинение эпических поэм Львовым (Добрыня), А. Н. Радищевым (Бова), Радищевым-сыном (Алеша-Попович и Чурило Пленкович), театральных представлений из жизни богатырей — Державиным (Добрыня), Крыловым (Илья богатырь, 1807 г.) и т. д. А Перемиловский ничего не находит сказать о войне 1812 г., как только то, что «Отечественная война 1812 г. со своими всесторонними, большими последствиями заглушила в памяти народа старые песни о пирах Владимира Красное Солнышко, о поездках Ильи Муромца, о неудавшейся женитьбе Алешы Поповича». На чем основаны такие данные автора статьи, — остается совершенно непонятным.

В соответствии с этим В. Перемиловский готов объяснить зарождение русского эпоса воздействием норманнов; недаром при дворе Ярослава Мудрого жили два скальда — Зигварт и Гаральд, место которых позже заступили русские певцы(!) И старейшим героем, воплощенным в русском эпосе, оказывается конунг, завоеватель, пришедший на Русь «для грабежа», князь вещей Олег Норман, прототип Ильи Муромца (Олег — Вольга — Eligas — Пя).

Видя в былинах только остатки старины, В. Перемиловский не интересуется современным их состоянием, совершенно игнорирует вопрос о сказителях, как передатчиках и исполнителях былин, тогда как глубокое и всестороннее изучение этого вопроса — заслуга советской фольклористики.

Повествуя подробно о собирании былин, автор объяснительной статьи говорит о работе ученых в этой области, кончая Гильфердингом, все же последующее у него сливается в одно целое: он не видит принципиальной разницы между дореволюционной и советской наукой и не желает выделить работы в области фольклористики, произведенные в советское время.

Вполне естественно, что такой подход оставляет В. Перемиловского на позициях фольклористики приблизительно 1915 г., и этим объясняется его отношение к работам советских ученых: он берет у них только новый материал, а новые методы, новое освещение остаются для него книгой за семью печатями. Приходится пожалеть, что изданная книга не дает надлежащего освещения величественного русского эпоса и поэтому не может удовлетворить усиливающийся за рубежом, в частности в Чехословакии, интерес к русскому народному творчеству.

А. Позднеев

НАРОДЫ АФРИКИ

Давид Ливингстон, *Путешествия по Южной Африке с 1840 по 1856 г.* Редакция проф. Д. С. Баркова, Гос. изд. географ. литературы, М., 1948.

Давид Ливингстон, прославленный исследователь Африки, родился в 1813 г. в городе Блентайре (Шотландия). Отец Ливингстона не был обеспеченным человеком, и десятилетний Давид поступил на ткацкую фабрику. Окончив вечернюю школу, он, не прекращая работы, продолжал свое образование в колледже г. Глазго, упорно занимаясь медициной и классическими языками. Одновременно изучал богословие. Двадцати семи лет Ливингстон получил диплом врача. Знакомство с Робертом Моффатом (миссионером, много лет проработавшим в Южной Африке) решило судьбу молодого человека. В 1841 г. Ливингстон, член Лондонского миссионерского общества, высадившись на берег Южной Африки, поселился в стране бечуанов в местечке Куру-

ман. Восемь лет он провел среди бечуанских племен баквена и бакхатла, изучая их быт, язык, духовную культуру.

С 1848 г. миссионерская деятельность Ливингстона отходит на второй план. В августе этого года он первым из европейцев достиг озера Нгами, а в 1853 г. принял длительное путешествие на север. Экспедиция, поднявшись по верхнему течению Замбези, достигла озера Дилоло и, повернув на запад, вышла к Атлантическому океану, к португальскому городу Сан-Паоло де Лоанда. В 1855 г. неутомимый путешественник решил исследовать бассейн Замбези и найти выход на восток к Индийскому океану. До реки Лоангве экспедиция шла по северному берегу Замбези, в дальнейшем, вплоть до португальского городка Тетэ,— по правому. Здесь Ливингстон расстался со своими спутниками макололо и, спустившись вниз по реке, отправился в Лондон. Столица Англии восторженно встретила путешественника, открывшего озеро Нгами и тщательно исследовавшего бассейн Замбези от самых ее истоков до устья.

В 1857 г., через год после возвращения Ливингстона на родину, была впервые издана настоящая книга, подводящая итоги первому периоду его деятельности в Африке. В этой книге, кроме географических описаний, Ливингстон отводит значительное место и этнографии. Его наблюдения, отличающиеся точностью и разнообразием, сохранили некоторый научный интерес и в наши дни, воспроизводя далекую картину жизни южных банту до прихода европейцев. Автор описывает сельскохозяйственные работы, охоту, жилище, одежду, способы приготовления пищи и т. д. Целый комплекс сведений по этнографии южноафриканских племен банту дан в доступной форме увлекательного повествования. Особого внимания заслуживают факты, относящиеся к истории этих племен, как, например, облавная охота, в которой принимало участие все племя. С достаточной полнотой охарактеризован социальный строй макололо, общество которых находилось на переходном этапе развития от первобытно-общинных отношений к военной демократии. Во главе племени стоял вождь — военачальник, власть которого ограничивалась постоянно действовавшим советом старейшин и народным собранием. Даже такие вопросы, как распределение доходов от продажи слоновой кости, вождь не решал самостоятельно. «Продавать слоновую кость вождь может только с ведома и одобрения своих советников, и доход с нее должен распределяться на открытом собрании» (стр. 112). Фундамент общества составляли отдельные группы патриархальных семей, владеющие собственными стадами. Макололо, сильные своей военной организацией, покорили ряд земледельческих племен севера. Характерно, что эти племена не только выплачивали дань «орехами, мотыгами, копытами, медом, челнами, веслами, табаком» (стр. 103), но и вынуждены были «оказывать определенные услуги и помогать в обработке земли» (стр. 98). Товарно-денежные отношения находились в зачаточном состоянии, и существовавшее имущественное неравенство еще не привело к эксплуатации. Однако изобилие некоторых продуктов создавало предпосылки для возникновения обмена. Макололо успели познакомиться с европейскими товарами, и желание завязать регулярную торговлю заставило их вождя Секелету искать путь к берегам океана. В этом предприятии Ливингстон «был заинтересован столько же, сколько сам вождь и большинство его людей» (стр. 125). Так родился план путешествия, предложенный Ливингстоном и одобренный вождем макололо. Нашумевшие путешествия Ливингстона были организованы не Англией, а самими макололо. Для этой цели Секелету выделил воинов, снабдил их продовольствием и необходимым снаряжением. Без этой помощи Ливингстон вряд ли добился бы успеха.

Сто лет отделяют нас от событий того времени. Европейские колонии были вкраплены на узкой береговой полосе; европейские державы искали новых рынков для сбыта товаров, прикрывая свои истинные цели надежным забралом борьбы с работорговлей. Ливингстон, как многие из людей того времени, искренне верил, что развитие «правильной торговли» уничтожит постыдную торговлю людьми, способствуя процветанию Африки. Он не понимал, что в условиях капитализма «правильная торговля» предвещала постепенный захват некогда свободных территорий и установление колониального режима, ведущего к вымиранию и деградации африканских племен.

В своих работах Ливингстон отстаивает идею равенства народов вне зависимости от цвета их кожи. К африканцам он относился, как равный к равному. Для него они были не безликой массой дикарей, а настоящими людьми, смелыми и доверчивыми, верными друзьями в беде, отважными воинами и любящими родителями. Он подчеркивал «остроту и смысленность», свойственную «всем африканским народам», находил «полное сходство некоторых туземцев с известными европейскими знаменитостями», утверждал, что они «по красивому телосложению и форме черепа могли бы равняться с лучшими из европейцев».

Вызывают недоумение ошибки, допущенные редакцией. В восточной Африке арабы впервые появились в IX в. Местное немусульманское население они презрительно называли «кьяфирун» (неверный). Буржуазные этнографы удержали этот термин, относя его к племенам банту Юго-Восточной Африки. Постепенно значение этого термина сузилось, закрепившись за группой племен коса, пондо, тембу фниго, которые вместе с другой родственной группой племен — зулу составляют крупное подразделение юго-восточных банту — нгуни. Еще Ливингстон заметил, что слово «кафр» считается оскорбительным. Зарубежная этнография так и отказалась от этого

термина. Тем более неуместно употребление его в советском издании. Таким образом, надпись к иллюстрации на стр. 30 — «хижина кафров (племени зулу)» — приводит читателя к полной дезориентации. А это, к сожалению, не единственная ошибка.

Ливингстон всюду и везде выгораживает англичан как поборников идеи равенства рас, как искренних противников рабства и противопоставляет им буров как рабовладельцев. Нам понятно, когда Ливингстон делал такое, ничем не оправданное, противопоставление, но совершенно непонятно, как редактор советского издания повторяет эту грубую ошибку и вслед за Ливингстоном выгораживает англичан. Некритически следуя за Ливингстоном, проф. А. С. Барков пишет, что отрицательные отзывы Ливингстона о борах «имели основанием то, что они жестоко обращались с неграми и брали их в рабство».

Судьба Ливингстона крайне характерна для положения исследователя в условиях буржуазного общества. Он был, несомненно, гуманистом и искренне верил, что его труды пойдут на службу не только Англии, но и африканским народам. Но объективно он служил только британскому империализму, был использован английским правительством в качестве колониального агента, подготавлившего почву для новых империалистических захватов. Эта сторона деятельности Ливингстона не нашла должного освещения во вступительной статье проф. Баркова.

Б. Смирнов

НАРОДЫ АМЕРИКИ

J. Alden Mason, *Costa Rican Sticnetwork*, The Minor C. Keith Collection. (Anthropological Papers of the American Museum of Natural History, v. 39. part 3), New York, 1945, 130 стр., 44 рис., 49 таблиц.

Книга Мэсона является публикацией части коллекции древностей Коста-Рики, собранной в восьмидесятых годах прошлого века С. Кэйтом. В настоящее время это собрание, насчитывающее более 16 тысяч предметов, находится в двух музеях: Бруклинском и Музее естественной истории. Это, в сущности, единственная в мире коллекция древностей Коста-Рики, так как другие собрания исчисляются самое большее только в сотнях предметов. В книге опубликованы только предметы из камня (составляющую приблизительно одну восьмую часть всей коллекции); керамике и металлическим изделиям автор предполагает посвятить специальные публикации.

Археологические памятники Коста-Рики особенно интересны тем, что они показывают нам самые разнообразные влияния, начиная от воздействия культуры племен Южной Мексики до воздействия культур племен Панамы и Колумбии. Территория Коста-Рики издавна являлась областью, где два крупнейших центра культур Американского континента (центрально-американская и колумбийско-перуанская) влияли друг на друга. Анализ памятников Коста-Рики показывает, что вывод С. К. Лотропа о том, что эта археологическая территория представляла собой «истинное место встречи между двумя континентами», основанный только на материалах керамики, справедлив по отношению ко всему археологическому материалу Коста-Рики в целом. Автор делит территорию Коста-Рики на две археологические зоны: первая, находящаяся к северо-западу от центра, представляет культуру «Чоротега», близкую к культурам племен Никарагуа и Южной Мексики; вторая, развивавшаяся на Центральном плоскогорье, в свою очередь, делится на две ветви: северную — культуру «Гуэтар» (поселения: Мерседес, Картаго, Курридабат) и южную — культуры «Кэпо» и «Кото» (поселения: Пасо-Реаль, Лагарто, Буэнос Айрес, Пальмар), близкие к культуре «Чирики» Западной Панамы. Население всех этих местностей говорит на языках, близких языкам Чибча (Колумбия). В книге, в основном, рассматривается материал только второй зоны. Наиболее широко представлены культура «Гуэтар» (около двух третей всех вещей). Остальная часть приходится на культуры «Чоротега», «Кэпо», «Кото» и «Чирики». Предметы, описываемые автором, чрезвычайно разнообразны по своему содержанию.

Следует отметить неудачное составление таблиц. Вещи были сняты по отдельности, а затем на одну таблицу было смонтировано по несколько фотографий. В результате создается неверное представление о соотношении размеров вещей. При чтении книги чувствуется нежелание автора хотя бы затронуть более широкие вопросы, связанные с издаваемыми вещами, чем их простое описание. Если читатель захочет узнать из книги Мэсона о культуре Коста-Рики в целом, то его надежды останутся тщетными. Единственное, что он сможет почерпнуть из этой книги, это — классификацию каменных изделий и определение, к каким местным археологическим культурам они принадлежат. Поэтому книга в целом может быть использована только как узкое справочное пособие при изучении археологических памятников Коста-Рики.

Р. Кинжалов